

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ДНЕВНИК УБИТОЙ
ЖЕНЩИНЫ**

Черная кошка

Николай Леонов

Дневник убитой женщины

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Дневник убитой женщины / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2026 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-248211-3

Легендарный детективный тандем Леонов — Макеев. Полковник МВД Лев Гуров приезжает на отдых в санаторий. Но, едва успев пройти регистрацию и первичный медосмотр, он обнаруживает в своем номере труп прежней постоялицы с пробитой головой. Подозрение падает на взрослых детей убитой, претендующих на наследство. Смертельный удар пожилой женщине вполне мог нанести ее сын. Но у Гурова своя версия. После того, как бежит из-под стражи горничная, обслуживавшая злосчастный номер, сыщик решает внимательнее присмотреться к персоналу санатория... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга — это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг — полковник Лев Гуров, сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он — настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248211-3

© Леонов Н. И., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Дневник убитой женщины	7
Глава 1	13
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Дневник убитой женщины

© Макеев А. В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Дневник убитой женщины

– А вы один к нам приехали? Без супруги? – В голосе пухлой блондинки средних лет было столько любопытства, что оперуполномоченный по особо важным делам Лев Иванович Гуров поморщился. Ох, как же вежливо избежать внимания этой женщины, которая явно завалила его вопросами не из служебного рвения, а из жгучего личного интереса. Гость из столицы, хорошо сложенный, высокий, лицо с четкими скулами и внимательными глазами. И абсолютно один! Заселяется на целую неделю, как тут удержаться от бестактных расспросов.

Хотя на лице его глухое раздражение не отразилось, но все-таки полковник не сдержал протяжного вздоха. Зря он сюда приехал, поддался уговорам жены о том, что ему нужно чаще отдыхать. Хотя подозревал, что поездка ему не понравится.

Все началось с неожиданной путевки от профсоюза. Оперуполномоченному Льву Ивановичу Гурову вручили ее в качестве награды за хорошие показатели месяца. Он собирался отказаться от неожиданного подарка, пускай кто-нибудь из сотрудников постарше едет наслаждаться селеновыми ваннами и лечебной физкультурой в компании пенсионеров. Отдых в санатории всегда представлялся ему чем-то подобным: размеренная, неспешная жизнь по расписанию, от процедуры до диетического обеда, что-то очень уж скучное и пресное.

Но жена Мария вечером дома за семейным ужином строго покачала головой:

– Не отказывайся, отдохни. Лев, ты же не помнишь, когда нормально спал, да и правильного питания с женой-актрисой не дождешься. Отпуск не скоро, да и ты там не был уже три года. Знаю, это не так интересно, как новое расследование, но все-таки надо хоть иногда заниматься своим здоровьем, а не работой. Так что поезжай, поскучаешь, зато посвежеешь, отъеешься в этом санатории. Тем более что это всего на пять дней. И недалеко, часа за три доберешься на машине. Поезжай в пятницу, ничего с твоими делами не случится за это время. Отдохнешь, ну же, Лев, не морщись. Я же знаю, если останешься дома, то никакого отдыха не будет. Снова работа, работа, работа. – Маша обняла мужа: – Я слышала, что там теперь все совсем по-другому. И следа не осталось от советских этих пансионатов, все цивилизованно. И путевки, кстати, недешевые, почти как отдых в каком-нибудь хорошем отеле на берегу моря. Вот и проверишь. Если тебе понравится, то махнем вдвоем на неделю. Только представь, как здорово будет – прогулки, чтение, завтраки без спешки, в бассейн, наконец, будем каждый день ходить. Колено свое подлечу. Как представлю... – Жена даже зажмурилась. – Никуда не будем торопиться. – Мария рассмеялась звонко. – Порепетируем нашу с тобой счастливую и безмятежную старость на пенсии.

Они были женаты много лет, и Мария знала, как уговорить своего мужа. И сдержанный, себе на уме оперативник, как обычно, быстро поддался ее очарованию. Кивнул:

– Ладно, пять дней – не месяц отпуска. Надеюсь, от скуки там не умру.

И теперь отчаянно жалел об этом...

Несколько часов назад полковник Гуров сел в машину и, проехав пару сотен километров, оказался сначала в каком-то провинциальном маленьком городке. Промчался по сонным, пустым улицам, выехал снова на трассу, а потом свернул на боковую дорогу, подчиняясь указателю-стрелке – санаторий «Парус». Пара километров по изъезженному асфальту – и он въехал на парковку рядом с серыми фасадами большого здания в три этажа. Оно как огромная серая птица раскинуло два крыла среди зеленого массива. Огромные прямоугольники, расчерченные белыми металлическими квадратиками балконов. От парковки до крыльца вела образцово-показательная дорожка, чистая и ровная, как линейка. Скучную картину оживляли клумбы и зеленые кусты, которые словно бусы окружали серое здание. От главного корпуса расходились лучи дорожек и исчезали на площадке с беседками. Рядом со спортивной площадкой была небольшая эстрада в окружении скамеек, напомнившая Льву Ивановичу детство в

пионерских лагерях. Конечно, жилища для пионеров были скромнее, но сам лагерь был таким же пятачком человеческой цивилизации, мини-городком, человеческим ульем в окружении зеленого, дышащего, живого моря из деревьев. От старых сосен шел смоляной дух, вокруг была абсолютная тишина, и весь мир так умиротворенно дремал в предраассветном тумане, что оперуполномоченный долго вдыхал свежий лесной воздух и наслаждался покоем, который был буквально разлит вокруг.

Гуров поднялся по отполированным ступеням на широкое крыльцо, толкнул полупрозрачную дверь и оказался в просторном холле – зеркала, кафель, мягкие диваны в соседстве с круглыми столиками и прозрачные шары-люстры. Права была Мария, от советского прошлого здесь уже почти ничего не осталось – отметил про себя Гуров.

Но как только из-за широкой стойки ресепшена выглянула администратор и просканировала его взглядом, жадным и любопытным, с головы до ног, Лев понял: нет, люди здесь все те же. Нагловатые, скучающие от рутины дамы, которым все надо знать о прибывающих гостях. От профессии до семейного положения, во что одет, на чем приехал, что сказал и о чем промолчал. Чтобы потом обсудить это с такими же любительницами сплетен со вкусом и смакованием деталей за чашкой чая в обеденный перерыв.

Блондинка с бейджиком «Наталья Анатольевна, администратор» его подозрения подтвердила. Все время, что гость заполнял документы, женщина то и дело заглядывала в написанные строчки и тянула жеманно:

– Ох, я так вижу, что здоровье у вас богатырское. Кроме массажа и бассейна, даже не знаю, что вам врач порекомендует. Только если хорошую компанию на вечер. – И заливалась румянцем.

Лев про себя уже проклинал эту затею. Он решил, что надо сразу все узнать о пансионате – где что находится, необходимое для отдыха. И потом уже не сталкиваться с назойливой и наглой администраторшей, не думать, что ответить на ее расспросы так, чтобы не обидеть и в то же время не дать повод для флирта. Иначе точно не отстанет.

Он коротко попросил:

– Вы скажите, где что расположено. Чтобы я вас потом не беспокоил.

Она же на его вопросы начала щебетать с энтузиазмом:

– Столовая, ой, то есть ресторан у нас работает по графику, он здесь на первом этаже. Отсюда в коридорчик и налево, там рядом еще кабинеты для процедур всяких. В правом крыле – уже места для водных процедур, спортзал, кабинеты врачей, бассейн. Да, кстати, в бассейн вы можете ходить сколько захотите. У нас есть еще сауна, массаж, фиточай, это тоже для гостей бесплатно. Вы возвращайтесь после осмотра у врача сюда, и я вас сама провожу в бассейн.

Лев кивнул, заметив спасительный плакат на стене:

– Благодарю, но не буду отрывать вас от работы. Тут карта есть, буду пользоваться ею. Думаю, бассейна и массажа вполне достаточно для оздоровления.

Блондинка снисходительно улыбнулась:

– Какой вы самостоятельный. У нас же здесь не только лечение, а еще есть и развлечения. Вечером кино, выступления. Так что, если скучно будет, заходите поболтать. – И добавила уже почти шепотом: – А то тут умереть можно, гости в основном пожилые, у них, сами понимаете, какие интересы.

Вдруг дверь холла с силой влетела внутрь под стремительным напором, по гранитным плитам застучали уверенные шаги.

Наталья подскочила, лицо ее сразу потеряло игривое выражение.

– Ой, доброе утро, Ираида Яковлевна! – Администратор с серьезным лицом принялась укладывать бумаги на столе в идеальный порядок – уголок к уголку.

– Доброе, – отчеканила сухопарая пожилая женщина. Хотя взгляд у нее и был равнодушным, Лев все-таки отметил автоматически, что его персону личность рассматривала чуть дольше, чем принято.

Блондинка засуетилась, подобралась. Исчезла сладкая улыбка, даже кудряшки на голове как-то сжались и стали менее заборными. Лев понял по ее реакции: явилось начальство.

Женщина была одета скромно: все темное, без единой оборки или яркой краски, на ногах такие же темные туфли с маленьким квадратным каблучком, никаких украшений на узловатых пальцах. Но все-таки ее осанка балерины и высоко поднятая голова с аккуратной прической выдавали, что за сдержанным фасадом скрывается не бедность или скромность, а привычка к власти. Не громкой и нахальной, а дисциплинированной, организованной, затянутой в костюм и застегнутой на все пуговицы.

Ираида Яковлевна задержалась на мгновение, бросила безмолвный взгляд на кружку с недопитым кофе на стойке ресепшена.

Блондинка округлила глаза, схватила запрещенный предмет и спрятала между бумаг.

– Ой, а я уже с шести утра на ногах, не успела даже кофе допить. Вот гость приехал, оформляю. Может быть, сначала к вам на осмотр? Это же недолго. Пока назначения сделаете, номер будет готов.

Женщина замедлилась:

– Готов? – Голос был ровным, но через спокойствие сквозил такой лед, что Наталья заметалась за стойкой, будто испуганная птица перед занесенной лапой кота.

– Я хотела просто товарища в сто шестой заселить. Ну, чтобы вид красивый, а там еще уборки не было. Костина завтрак проспала, наверное. Горничная быстро уберет, там же чисто, поменять только все.

Новый безмолвный взгляд – и Наталья оборвала сама себя на полуслове.

Сухопарая кивнула Гурову:

– Добрый день. Я главный врач санатория, Зуревич Ираида Яковлевна. Вы уж простите нашу суматоху, ваш номер буквально через час будет готов. А пока прошу в мой кабинет. Измерим давление, соберем анамнез и назначим вам процедуры для оздоровления. – Голос у главного врача потеплел.

Но стоило ей снова повернуться к испуганной Наталье, как в нем тонко, едва заметно зазвенел металл:

– Даже полчаса – и вы сможете заселиться. Наталья пока решит вопрос с номером и лично отнесет туда ваши вещи. Чтобы все было как положено.

Блондинка покорно кивнула, схватила ключ, сцепленный с пластиковой картой, с большой доски. Затрясла кудряшками:

– Я сейчас, потороплю ее. – Взгляд, обращенный на Льва, был теперь виновато-испуганным. – А вы на завтрак пока ходите. Я сейчас, быстро, там легкая уборочка только. Горничную найду сейчас, и мы в четыре руки.

И снова короткий взгляд Ираиды оборвал ее на полуслове:

– Наталья, вы идите, можно не рассказывать все нюансы вашей работы.

Если грозный взгляд вытолкнул нерасторопную администраторшу из-за стойки и погнал по коридору, то Льву Гурову досталась очаровательная улыбка.

Ираида Яковлевна указала ему на проход в длинный коридор на другом конце холла:

– Прошу в мой кабинет, угощу вас прекрасным кофе.

Правда, кофе полковник получил лишь после того, как Зуревич накинула белый халат, тщательно вымыла руки и измерила ему давление. Потом она долго возилась с кофемашиной в углу, пока наконец по кабинету не поплыл землистый запах свежего кофе.

– Угощайтесь. – Ираида Яковлевна поставила рядом со Львом, который расположился на кожаном диванчике, белоснежную кофейную пару с темно-коричневым напитком. – Может быть, хотите пару капель для тонуса? За руль вам уже не надо, а у меня отличный бар.

– Как врач, рекомендуете начинать утро с коньяка? – улыбнулся Лев.

От запаха его сонливость и легкое раздражение рассеялись. Права Мария, надо просто отключиться от рабочих забот и наслаждаться отдыхом. Например, как сейчас это делает главный врач: неторопливый утренний кофе, неспешная беседа с пациентом, а в окно заглядывает солнце и золотит своими лучами красновато-розовые стволы сосен.

Ираида Яковлевна кивнула:

– Давление можно немного поднять, вы чуть бледноваты. Тем более через пять минут можно уже идти на завтрак. Рано, наверное, встали, не завтракали, сидели за рулем. Небольшой стресс – и вот результат. Хотя в целом физическая форма у вас прекрасная, видно, что следите за собой, не позволяете лишнего. Но работа нервная, много стресса. Хронический недосып, питаетесь как попало.

– Все верно. Как это вы так точно определили? Неужели только с помощью тонометра? – Лев уже представлял, как с наслаждением будет плавать в бассейне до изнеможения, а потом засядет в номере с книжкой. Или, может быть, пойдет на прогулку по лесу, что высился вокруг санатория, заглядывал высокими макушками и манил свежим воздухом.

Строгое лицо Зуревич смягчилось от улыбки.

– Конечно, не только тонометр мне помог. Знаете, я работаю терапевтом больше пятидесяти лет. Только по цвету кожи могу диагноз поставить точнейший. Тем более у нас тут пациенты чаще всего пожилые, с кучей заболеваний, упражняйся не хочу в диагностике.

Сухие пальцы взялись за ручку.

– Вот что я вам назначу. Массаж, фиточай, минеральные ванны. И конечно, прогулки на свежем воздухе. У нас тут чудесный климат, вековые сосны. Дневной сон и обязательно правильное питание, не пропускайте приемы пищи, пожалуйста. У вас кожа суховата, явный признак плохого усвоения железа и других микроэлементов. Предвестник гастрита. Так что питание щадящее, есть можно все, но по чуть-чуть, и не налегать на жирное, соленое. Особенно утром. Вот сейчас пойдете на завтрак, – Ираида Яковлевна протянула Льву густо исписанный лист, – возьмите кашу, чай, сырники. У нас готовят великолепно, дайте передышку вашему желудку от бутербродов и яичницы.

– Обязательно. – Лев улыбнулся строгой женщине.

– Все назначения написаны, если будут вопросы, всегда можете заглянуть ко мне. У администратора можно выбрать удобное время для процедур. Через три дня прошу ко мне на контрольный осмотр, буду проверять, появился ли у вас румянец.

Оперуполномоченный и главный врач попрощались, и Ираида Яковлевна снова склонилась над бумагами, разложенными ровными стопками на столе.

Лев прикрыл дверь кабинета и пошел на запах. По рукаву коридора уже тянулся густой аппетитный аромат, он приманивал жильцов санатория к большим распашным дверям с надписью «Ресторан».

Гуров шагнул из коридора в зал и на секунду зажмурился от света, который заливал помещение через большие окна. Здесь за столами уже сидели гости санатория, разбившись кто на пары, кто на четверки и большие компании за сдвинутыми столами. И снова при виде постояльцев «Паруса» Гуров не удержался от улыбки. Права была Мария, им точно следует сюда приехать, когда они захотят порепетировать свою старость.

Почти все посетители ресторана были пенсионного возраста – пожилые и совсем старики, в нарядных костюмах, наглаженных рубашках и платьях, одетые будто на праздник. В такой ранний час они уже были бодры, неспешно ели, болтали, щурились на солнце. Никто никуда

не торопился, каждый из них уже заслужил свое право на медленный, полный наслаждения завтрак.

На новичка обернулся весь зал, разговоры затихли и превратились в шепот.

Лев только подошел к длинной линии раздачи, как сразу круглолицая буфетчица закивала радостно:

– Доброе утро. Что вам положить? Кашку? Или хотите омлет?

Опер развел руками:

– Даже не знаю. Выглядит все очень вкусно, я все бы съел. Аппетит зверский от ваших ароматов.

Женщина рассмеялась:

– Такому богатырю можно и тройную порцию. Давайте положу наш омлет фирменный, попробуете. И каши полпорции. Блинчик с чаечком. – Она говорила, а в воздухе блестели то поварешка, то лопатка, укладывая для гостя настоящую скатерть-самобранку на белых тарелках и блюдах.

С нагруженным подносом Лев нашел свободный стол и принялся за еду. Его уже рассмотрели и обсудили, поэтому завтракать можно было без ощущения десятков взглядов, которые, будто комары, слетелись на него.

Все, что предложила ему доброжелательная буфетчица, и правда оказалось очень вкусным. От сытости на Гурова тотчас же навалилась сонливость. Он едва смог доесть то, что оставалось на тарелке, оглянулся по сторонам – остальные посетители разошлись, закончив с едой. Он лениво проехал глазами по листу, исписанному Зуревич: «Массаж только в двенадцать. Сейчас завалюсь в номер и буду спать так, что из пушки не разбудят».

Через длинный коридор он вышел к ресепшену, но там было пусто. Наталья куда-то испарилась со своего рабочего места вместе с его дорожной сумкой. Лев подождал немного, чувствуя, как с каждой минутой ему все тяжелее стоять, и решил: «Пройдусь до номера, какой там она сказала, сто шестой. Пускай потом убираются, главное, чтобы белье сменили. Сейчас я готов спать хоть на придверном коврик».

Он прошел по длинному коридору и нашел нужные цифры на одной из одинаковых дверей, что, словно вагоны поезда, тянулись по длинному коридору. Он постучал, дернул ручку, толкнул дверь – заперто.

– Подождите! – Из другого конца коридора по красной дорожке утиной походкой спешила администраторша.

Наталья взмахнула руками и затараторила:

– Я ваши вещи в двести седьмой унесла, на второй этаж. Пришлось все переменить, извините, что так долго все. Там чистенько, можете заселяться. А то в сто шестом спит Костина, не достучаться! Ведь знает, что до девяти утра выезд, приезжает каждый год. И спит! Я ей стучала, а она там дрыхнет, хоть из пушки стреляй. Ну глуховатая, конечно, но не до такой же степени! Вы идите, вещи я ваши отнесла. Там окна во двор, здесь на лес. Если понравится, так можете и не переезжать. Ну или после обеда, убраться же еще надо. А горничная шляется непонятно где, вечно с этими новенькими заморочка.

Она сунула Гурову ключ от номера с пластиковой карточкой – коричневым квадратом с надписью «Парус». Сама достала второй почти такой же ключ и принялась открывать дверь, ворча себе под нос:

– Что такое, уже новые гости приехали, а она засела там. – И обернулась к Гурову, заметив лист в его руках. – Ой, вас же записать еще надо! – Она засуетилась, вжимая металлический стержень в скважину. – Сейчас, только подниму эту засоню! Ну вот чего только на этой работе делать не приходится, и будильником работать! То в шесть утра ходят, то не поднять!

Щелкнул замок, и дверь приоткрылась, Наталья со всей силы постучала кулачком по косяку:

– Вставайте! Пора выезжать! Это администратор! – И она с легким нетерпением кивнула
Льву: – Вы идите пока в холл.

– Если ей плохо? Все-таки пожилая женщина. – Полковник Гуров вдруг почувствовал отчетливое беспокойство. Будто тонкая струна прозвенела внутри. И он, уже почти шагнувший в сторону холла, остановился.

– Да что ей будет, еще всех переживет. Она и не старая совсем, здоровая как бык, просто так сюда ездит, развеяться на пенсии.

Лев шагал по длинному языку ковровой дорожки, но не ушел, внутри так и бился пульс, которому он привык доверять за долгие годы оперской работы.

А администраторша шагнула за дверь и все говорила, частила недовольной скороговоркой:

– Мария Петровна, доброе утро. Вы что же, завтрак проспали, выезжа...

И вдруг поток слов оборвался на секунду, перешел в едва слышный стон. Даже не стон, а сдавленный крик. Лев успел развернуться всем корпусом назад к приоткрытой двери, как вдруг оттуда раздался испуганный вопль:

– А-а-а-а!

И крик этот Гурову был знаком. Он слышал его уже не раз во время своей работы опер-уполномоченным по особо важным делам, убийствам, ограблениям. Так кричат, столкнувшись с жуткой картиной лицом к лицу. Так кричат, когда видят смерть.

Глава 1

– У-у-умерла... точно у-у-мерла. Точно. – Зубы у Натальи клацали от ужаса, она сама не замечала, что уже уперлась спиной в угол шкафа, но все еще пятится назад. Инстинктивно пытается как можно дальше убратся от страшного зрелища.

На большой двуспальной кровати лежала, вытянувшись, пожилая женщина. Лет шестьдесят пять на вид, высокая и крепкая. Седые волосы ее были заплетены в аккуратную косу, длинное сухое тело – в уютной ночной рубашке сливочного оттенка, в ногах был приготовлен теплый халат, на полу ждали хозяйку такие же мягкие тапочки. Подушка под головой лежала ровно, натянутая простыня, одеяло заботливо укрывало пожилую женщину до груди. Она лежала на спине, одна рука на одеяле, вторая чуть откинулась в сторону во сне, из-под кончика белоснежного пододеяльника выглядывала узкая стопа – тонкие пальцы с аккуратно подстриженными ногтями.

И ничего не было бы пугающего в этой картине – пожилая женщина крепко спит в своей кровати. Кажется, еще миг – и она откроет глаза, сядет на кровати, накинет халат и отправится в санузел. Если бы не одна ужасающая деталь, которая перечеркивала безмятежность этой обыкновенной утренней картины, сносила подчистую ощущение безопасности и спокойствия, которым так полны ухоженные аккуратные гостиничные номера.

Ярко-алая, почти бордовая лужа крови растеклась по белоснежной наволочке. Она впиталась в ткань и изуродовала ее белизну тяжелыми пятнами с неровными краями. Седые тонкие пряди у правого виска были смочены в липкой темной крови. Они прилипли к страшной мокрой вмятине, в которую превратился висок несчастной. Глаза женщины чуть приоткрыты.

Лев, который ринулся на крик, в два шага прошел короткий коридорчик номера и обхватил мягкие плечи в пиджаке. Администраторша обернулась и вдруг вцепилась в него обеими руками. Пальцы впились в него так, что затрещала ткань летней куртки.

– Кровь... – выкатив глаза, повторяла Наталья. – Ужас, как здесь сильно пахнет. Как же горничная будет убираться. Запах, он же останется, запах. Впитается навсегда.

Оперу тоже в нос ударил густой, настоявшийся аромат с привкусом железа – запах сворачивающейся свежей крови. Окна в комнате были накрепко заперты, и запах, спертый и густой без сквозняка, оседал на языке, обволакивал горло, вызывая тошнотворное ощущение. Это был не просто запах крови – это был запах мучительной смерти. Непривычный человеческому восприятию, он пугал, заставлял сердце учащенно биться. Этот спертый, пропитанный смертью воздух давил на грудь, не давая дышать, как будто в комнате не хватало кислорода и единственным источником его была эта сладковатая металлическая вонь. У человека, который сталкивался с жутким ароматом в первый раз, он вызывал тревогу. Потому что будто сирена предупреждала: «Здесь произошло нечто страшное».

Гуров попытался оторвать от себя перепуганную администраторшу.

– Вызывайте полицию и скорую. Я проверю у нее пульс. Может быть, она жива.

Но та взвизгнула, впилась еще сильнее в его руку, будто в этом было спасение от жуткой картины:

– Нет! Нет! Нет!

Что именно «нет», объяснить она не могла, только мотала головой.

– Что произошло, Наталья? Кто кричал?

За спиной опера раздался знакомый голос – Ираида Зуревич! Гуров с трудом развернулся к ней, застряв в небольшом коридорчике сто шестого номера. Ему мешала Наталья, повисшая у него на руке всем весом.

– В номере женщина, она без сознания, надо проверить пульс. Нужен врач.

Пожилая женщина протиснулась мимо них, шагнула к кровати, покосилась на бледную администраторшу. На несколько секунд главврач застыла на месте, но, преодолев себя, наконец подошла поближе. Она профессиональным жестом опустила пальцы на тонкую жилистую шею, вслушалась в ток крови и покачала головой – нет, пульса нет.

Кто-то попытался заглянуть в приоткрытую дверь:

– Я крики слышала. Что случилось?

Лицо Ираиды Яковлевны дернулось и застыло в привычной приветливой улыбке, которая сейчас выглядела маской.

– Ничего страшного. Наталья споткнулась и упала. Кажется, ушибла ногу. Я сейчас ей помогу. Не переживайте, проходите к себе в номер.

Она ринулась в коридор и плотно прикрыла дверь, чтобы никто из любопытных гостей не мог заглянуть внутрь. А затем резким движением развернула к себе Наталью, которая в приступе паники все еще мотала головой, будто пыталась стряхнуть с себя увиденное.

– Хватит! – Резкая пощечина врача отрезвила сотрудницу. Наталья застыла с открытым ртом.

– Звони в полицию, – отчеканила Ираида.

– Давайте я позвоню, – предложил Гуров. Он понимал, что шокированная женщина по телефону не сможет объяснить, что произошло с одной из гостей пансионата.

Но Зуревич тоном, не терпящим возражений, решительно произнесла:

– Не беспокойтесь, проходите к себе в номер. Думаю, мы справимся прекрасно. И сейчас просто вызовем полицию. Конечно, ужасно, что вы... это обнаружили. Но мы со всем разберемся. Простите за неудобство, давайте мы поселим вас в люкс. Компенсируем... неприятные впечатления.

Она не коснулась полковника, лишь сделала жест рукой, указывая на дверь. Но Наталья снова кинулась к оперу:

– Нет, нет, я не смогу. Пожалуйста, позвоните вы. Я не знаю, что сказать.

Женщина перехватила администраторшу за предплечье:

– Ты слышала меня? Вызови полицию.

Лев Гуров, которому это препирательство надоело, уже набирал знакомый номер.

– Добрый день, говорит полковник уголовного розыска Гуров. Я нахожусь сейчас в санатории «Парус». Здесь обнаружен труп с признаками насильственной смерти, прошу выслать оперативно-следственную бригаду. Номер сто шесть, убита пожилая женщина, постоянлица санатория, ей разбили голову. Да, пульс проверили, она мертва. Хорошо, конечно, я буду вас ждать на месте.

После звонка он повернулся к главному врачу:

– Уводите Наталью в свой кабинет, приводите в чувство. Ее будут допрашивать как свидетеля, надо, чтобы она вышла из шокового состояния. А я встречу полицию и провожу к месту преступления.

Женщины покорно вышли в коридор. Только Ираида Яковлевна, вдруг перейдя на шепот, попросила полковника:

– Прошу вас, давайте без огласки. Я понимаю, что это ваша работа и для вас, наверное, все это привычно. Но мне очень важно, чтобы гости ничего не узнали, это же такое пятно на репутации.

Лев Иванович ничего не стал отвечать. Не он ведет расследование, не он принимает решение, сообщать ли о произошедшем пациентам санатория. Он всего лишь свидетель, которому не повезло оказаться на месте преступления. Он коротко предупредил Зуревич:

– Когда прибудет полиция, вам нужно будет ответить на вопросы следователя и оперативника. Рассказать о погибшей, связаться с семьей и сообщить о смерти. Сможете? Наталья, мне кажется, вам здесь не поможет.

Ираида Яковлевна в ответ только молча кивнула. Казалось, что она готова была выместить все свое раздражение на потерянной от шока Наталье. Пожилая женщина со всей силы схватила за руку администраторшу и потащила по коридору в свой кабинет.

Лев запер номер, осторожно убрал ключ себе в карман и вышел в просторный холл, чтобы дожидаться сотрудников полиции. Сонливость как рукой сняло, он позабыл о своих планах на отдых. Опер и сам не заметил, что, как обычно, принялся анализировать все, что увидел в номере: место преступления, детали картины, собирая важную для следствия информацию. Он служил в уголовном розыске уже больше двадцати лет, и эти действия записались на подкорку. Азарт сыщика и желание раскрыть преступление превратились в настолько привычные действия, что тотчас же он принялся выстраивать версии произошедшего.

«Комната была закрыта на ключ. Один ключ у гостя, второй у администратора на ресепшене. Наталья при мне сняла его с доски, и потом было окно в сорок минут, пока я сидел в кабинете врача и завтракал. Ключ у администраторши был с собой. Но номер она так и не открыла. Или открыла, нанесла удар, заперла замок и теперь разыгрывает спектакль.

Кто еще входит в список подозреваемых, кроме Натальи? Все остальные гости и персонал пансионата, у кого нет алиби на утро. Кровь уже свернулась, но еще не высохла, значит, время убийства – последние три часа, примерно с пяти-шести до восьми утра. А оружие... Рядом с телом не лежало ничего тяжелого, подходящего по форме. У убийцы точно должен быть доступ к ключу, какая-то возможность открыть номер. Или проникли все-таки снаружи?» От логических выкладок его отвлекло появление женщины лет тридцати, высокой стремительной брюнетки. Она ворвалась в холл, уверенно прошагала мимо Гурова, и на секунду не задержав взгляда на его фигуре. Женщина повернула в коридор, где располагались номера. До него донесся торопливый стук в дверь.

– Мама, это я, открывай. Я приехала, просто чуть опоздала. Это все из-за Олега, он, как всегда, все испортил.

Еще стук, уже более громкий, и снова шаги. Еще быстрее, чем до этого, женщина вернулась назад, подлетела к ресепшену и нервными пальцами в раздражении застучала по кнопке звонка:

– Хоть кто-нибудь тут есть?! Эй, мне нужен ключ от сто шестого номера! Слышите, срочно откройте дверь! Немедленно!

Лев приподнялся с дивана:

– У меня есть ключ от сто шестого.

Женщина резко развернулась и почти бегом ринулась в коридор с чередой номеров, на полушаге она нетерпеливо обернулась:

– Ну что вы сидите? Я же сказала, мне надо срочно открыть дверь!

– Зачем? – Лев не сводил с нее внимательного взгляда. – Вы же там не живете.

От крика забилось эхо в пустом холле:

– Да что такое, что за сервис! Никого не доискаться, администрации нет на месте, хамло какое-то только сидит тут. – Она подошла поближе, лицо у женщины дергалось от ярости, она заходила от крика и, кажется, готова была наброситься с кулаками на опера. – В номере моя мать! Костина Мария Петровна! Мой придурочный брат должен был ее забрать из санатория сегодня утром, в восемь. Но час назад выяснилось, что этот идиот, как обычно, все проспал, забыл, перепутал! Поэтому я все бросила и приехала за матерью. А она не отвечает на телефон и не открывает дверь. Теперь я все понятно объяснила?! Сейчас вы можете наконец дать мне этот дурацкий ключ или открыть номер уже! Может быть, ей сейчас плохо, в конце концов, ей уже почти семьдесят. Поэтому я бегаю и ищу, кто откроет этот чертов замок! А вы кривляетесь передо мной как клоун и задаете неуместные вопросы. А там, может быть, человек сейчас умирает! Так что откройте этот чертов номер!

Последние слова женщина не кричала, а визжала. Гуров выдохнул разом, чтобы остановить ее наконец:

– Послушайте, женщина в сто шестом мертва.

Слова действовали как удар. Женщина затихла и растерянно забормотала:

– Как умерла... Это ошибка, не может быть такого, вы перепутали что-то. Наверное, она на улице меня ждет. Или такси вызвала и уехала сама. На нее это похоже: всполошить всех, а потом разобидеться, отключить телефон и доводить до белого каления. Нет, нет, нет, такого не может быть.

Опер постарался все объяснить:

– Давайтеждемся полицию. Тогда вы сможете зайти в номер и убедиться, действительно ли это ваша мать.

Тонкие губы на узком лице скривились в гримасе.

– Полиция... Да что за бред. Вы вообще непонятно кто! Чокнутый! То ключ мне не дает, то гадости говорит.

Она вдруг отошла на несколько шагов от дивана, на котором расположился мужчина, и оглянулась по сторонам в поисках помощи.

– Нет, я буду жаловаться главному врачу. Черт знает что происходит, путевка стоит как тур в пятизвездочный отель, а обслуживание – совок!

Но навстречу высокой женщине спешила уже Ираида Яковлевна, за ней плелась понурая бледная Наталья, у которой на щеке горел отпечаток ладони.

Зуревич вполголоса зачастила:

– Евгения, здравствуйте. Прошу прощения. Давайте пройдем в мой кабинет.

Но женщина взвилась и снова перешла на крик, наконец увидев того, кто за все ответит:

– Это что такое? Я приезжаю за матерью, а меня встречает какой-то идиот! Несет чушь, что она мертва и скоро прибудет полиция. Опознать! Он сказал – вы сможете ее опознать. Понимаете? Ваш сотрудник, кто он там – охранник, завхоз, я не знаю. Да он пьяный с утра. Сидит тут, собирает чушь, говорит гадости и не пускает меня к матери. А ей, между прочим, сейчас плохо! Она не отвечает на звонки, не открывает дверь. Немедленно отведите меня к ней! И помогите уже, в конце концов!

– Тише, прошу вас! – Ираида Яковлевна суежилась все больше в своем желании замять скандал. Но он разрастался и выходил за пределы номера и холла. На крики дочери погибшей выглядывали из коридора любопытные физиономии.

Правда, Евгения Костина вдруг затихла от неожиданного появления полиции. Снова стеклянные двери послушно раздвинулись и пропустили людей в форме.

– Следователь Роман Шишкин. Что тут у вас случилось? – Первым шел худенький, среднего роста парнишка лет двадцати пяти. На нем была новенькая, едва обмятая форма, а голос дрожал от волнения. Следом за Романом, то отставая, то забегая вперед, шел патрульный, такой же юный и взволнованный вызовом на место преступления.

При виде полиции все вопросы и крики закончились. Зуревич толчком отправила Наталью за стойку и замахала руками, приглашая полицейских:

– Ну же, быстрее за мной. – Пожилая женщина кинула обеспокоенный взгляд на Гурова: – Давайте, откройте им дверь.

Опер уже шагнул по короткому пути от холла до двери нужной комнаты. Он все так же с помощью платка вытащил ключ, открыл замок и жестом пригласил полицейских внутрь. Шишкин решительно схватился за ручку, отчего у Льва Ивановича внутри все так и вскипело: «Отпечатки!», и шагнул через порог.

Следователь прошел мимо шкафа и застыл при виде окровавленного тела на кровати. Остальные сгрудились за его спиной, налетев на полицейского. Парнишка вдруг сделал шаг в сторону, беспомощно взмахнул руками и ринулся к двери сбоку.

– Туалет! – Он смог распахнуть дверь в санузел, и спазмы рвоты скрутили его над раковиной. Рядом с Гуровым досадливо застонала Ираида Яковлевна.

А Евгения Костина оттолкнула врача, опера и кинулась к лежащей на кровати женщине:

– Мама! – Она схватила худую кисть и тут же отбросила ее, как только ощутила безжизненный холод остывшего уже тела. И беспомощно обернулась к толпе в коротком коридорчике: – Она что, действительно умерла? У нее же голова разбита. Что это такое вообще?! Как такое может быть? Она что, упала?

Зуревич снова зашептала:

– Тише, да не кричите, прошу вас. Вы мешаете другим гостям отдыхать. Давайте пройдем в мой кабинет. И поговорим. Сейчас здесь будет работать полиция, думаю, найдется какое-то объяснение, они выяснят, что с ней случилось.

Бледный Шишкин протиснулся мимо Льва Гурова и выдавил из себя:

– Извините, запах. – Он явно старался не смотреть на тело на кровати. И спросил в пустоту: – Кого убили, кто убил, когда?

Лев удивленно вскинул брови: «Вот так просто? Достаточно спросить, и сейчас все станет ясно. Интересные методы у нового поколения уголовного розыска».

Ираида Яковлевна протянула:

– Может, это не убийство. Что же вы так сразу... Вдруг она сама упала, ударилась.

– И легла на кровать умирать?! – в пику ей выкрикнула Евгения. – Чушь! – Она резко обернулась к бледному полицейскому. – Надеюсь, вы видите, что произошло? Мою мать убили, у нее голова разбита! И это случилось в этом пансионате. Вы сейчас же должны найти, кто это сделал!

Шишкин, на лице которого отразилась мучительная борьба с новым рвотным позывом, смог лишь кивнуть.

– Евгения, прошу, пройдемте... – снова попыталась успокоить Костину главный врач.

Но ее заглушил крик:

– Вы готовы что угодно сказать, лишь бы замять дело побыстрее. Чтобы от вас богатые старики ваши не сбежали!

Зуревич поменялась в лице, но все-таки смогла удержать себя в руках:

– Евгения, я понимаю, что вы в шоке. Так же, как и мы все. Поверьте, пансионат никакого отношения к этому... инциденту не имеет. Конечно, мы сделаем все возможное, чтобы урегулировать... это.

Но женщина рубанула воздух рукой:

– Себя-то слышите? Урегулировать, инцидент, – она передразнила тон заведующей. – У вас человек мертвый в номере. И не просто мертвый, а убитый. Понимаете, убитый, даже если она сама упала, расшиблась, так вам же хуже. Я вас засужу за то, что у вас номера не оборудованы как положено, квалификация персонала сомнительна.

– Подождите, – одновременно с ней тянула Ираида Яковлевна, теряя последние капли терпения. – Мы работаем много лет, и нареканий никогда не было.

Следователь, который попытался пристроить на тумбочку папку с бумагами, достал лист, чтобы начать писать протокол, и вдруг простонал:

– Давайте окно откроем, я не могу.

Он снова побледнел до зеленого оттенка и, кажется, готовился теперь упасть в обморок.

Лев почувствовал, как внутри закипает раздражение. Расследование превратилось в какой-то балаган: все затаптывают следы на месте преступления; хватают что хотят, стирая отпечатки; молоденький следователь никак не может начать работать. И вместо того чтобы провести опознание, дочь убитой бьется в истерике.

Он уже было хотел вклиниться в бурную ссору женщин, как вдруг Евгения воскликнула:

– Я знаю, знаю, кто ее убил! Это же понятно! Конечно, как я сразу не догадалась. Господи! Это он! Мой брат! Поэтому и телефон отключен...

Евгения вдруг скорчилась, на глазах у нее выступили слезы.

– Ведь все к этому и шло. Он всю жизнь ненавидел мать, ругался, кидался на нее с кулаками. Это он, он! Поэтому отправил меня, чтобы я ее нашла!

Трясущимися руками она вытащила телефон из кармана.

Шишкин, забыв о тошноте, слушал ее с открытым ртом. Неужели и правда все окажется так просто и он раскроет сейчас свое первое в карьере следователя убийство?

Костина торопливо набрала номер, как вдруг трель звонка раздалась прямо за спиной Гурова. Все присутствующие разом обернулись на молодого мужчину, высокого, как Евгения, неуловимо похожего на нее чертами лица. Он стоял в коридоре и осторожно, вытянув длинную напряженную шею, заглядывал в приоткрытую дверь.

– Что тут происходит? – Он испуганно отшатнулся. – Вы что на меня все смотрите?

Евгения кинулась к двери, оттолкнув Гурова в сторону, и остановилась у порога. Лицо у нее вытянулось, глаза округлились, будто она увидела привидение.

– Ты?!

Олег Костин отступил назад:

– Жень, ты успела маму забрать? – Потом он заметил фигуру полицейского в номере и просипел осевшим голосом: – Что случилось? Что-то с мамой?

– Как будто ты не знаешь! – взвизгнула в ответ Евгения и залепила хлесткую пощечину по заросшей рыжеватой щетиной щеке. – Это ты ее убил! Как и отца!

Опухшие глаза мужчины вспыхнули злостью, и без того красное лицо пошло багровыми пятнами. В воздух взлетел крепко сжатый кулак, но удара не последовало. Наоборот, вдруг начал отступать назад спиной, пока не уткнулся в дверь номера на противоположной стороне коридора.

Глава 2

– Держите его, он же убежит! – заголосила Евгения Костина. – Убийца сбежит!

Молодой следователь вдруг проявил невиданную прыть и кинулся мимо остальных людей, которых стиснул в толпу узкий коридорчик номера. Он ухватил за рукав оторопевшего Олега и выкрикнул:

– Поймал!

Мужчина вывернулся из его рук и вдруг кинулся бежать по коридору в сторону квадрата окна. Следователь, подхватившись, бросился следом. Лев Гуров успел увидеть в полумраке длинной кишки коридора, что Шишкин бежит и на ходу нащупывает пистолет на поясе. Он мысленно чертыхнулся: сейчас глупый мальчишка может наделать серьезных бед в азарте погони. И кинулся следом за ними.

Он успел догнать Шишкина, когда тот застыл в проеме двери, что вела на лестничный пролет. Фигура в длинном плаще тяжело прыгала через ступеньку вверх по лестнице. У следователя уже был пистолет в руке, он целился в мелькающую спину:

– А ну стой! Я выстрелю!

Лев, не сбавляя темпа, снес как пушинку молодого следователя с ног. Он был крупнее и выше, поэтому по инерции уронил парня на пол и почти придавил его сверху.

– Вы что делаете? – выкрикнул тонко Роман.

– Карьеру тебе спасаю, дурак! – Опер перехватил руку с пистолетом и осторожно забрал оружие. – Ты зачем стрелять собрался?

– Но это же убийца, он сейчас сбежит! – Шишкин вскочил на ноги, взъерошенный и недовольный, что его остановили на полпути к героическому поступку.

– Что он убийца, еще надо доказать! А если не он и ты в невиновного бы сейчас пальнул? – осадил его полковник.

– Ну я не по-настоящему, я же его предупредил, – в испуге попытался оправдаться Роман.

Лев сунул ему в руки табельное:

– Убирай и забудь про него. Идем, сейчас его найдем, далеко не убежит. – Оперуполномоченный широкими шагами начал подниматься по лестнице тем же путем, что убежал Олег Костин.

– Почему не убежит? А если по балконам спустится и скроется? Или есть вторая лестница? – Шишкин старался не отставать от широких шагов полковника. Опер шикнул на него, он был сосредоточен на другом – на запахе. Резкий и кисловатый аромат перегара тянулся по пустому коридору мимо закрытых дверей и вел сыщика прямо по следу беглеца.

Запах становился сильнее, концентрируясь в одном месте. Гуров остановился возле неприметной двери в самом конце коридора. Таблички с номером не было, вытертая со временем ручка и небольшая, в пару миллиметров, щель между дверью и проемом. Опер прислушался: тишина. Он резко ударил по двери ногой и тут же удержал ее рукой, придавливая к стене того, кто спрятался в крошечном помещении.

Перепуганный и бледный, внутри оказался Олег Костин. Он был прижат к стеллажу с ведрами и тряпками, глаза его были полны ужаса, тело била крупная дрожь.

– Выходи, – спокойно сказал Гуров, его голос звучал как смертный приговор.

А тот вдруг завыл громко:

– Я не виноват, не виноват! Не убивал ее! Я просто проспал. Телефон сел, я не слышал. Я не виноват!

Роман Шишкин протянул к нему руку:

– А ну давай выходи! В отделе расскажешь все.

Но тот отпихнул от себя руку парня:

– Отпустите, никого я не убивал! Я за мамой приехал!

В коридоре уже стучали каблуки Евгении, она на ходу выкрикнула:

– Убийца! Как ты мог! Мать, родную мать! Я знала всегда, что ты это сделаешь!

– Заткнись! – зарычал в ответ брат на сестру.

Шишкин наконец протиснулся внутрь каморки и потащил загнанного в угол парня за собой:

– А ну давай, будем разбираться.

Тот снова завыл, а Евгения зашлась в крике:

– Ну что ты ноешь вечно! Отвечай за свои поступки! Дрянь, вечно ты такой!

Гуров не выдержал и отошел от них в глубину коридора. Нет, он не был рад, что так быстро нашел и задержал парня. Никаких доказательств вины Олега нет, он не признался, и, кажется, он просто кинулся бежать от страха перед непонятной ситуацией.

Но проблема была в другом: оперативник больше не мог просто наблюдать со стороны. На кровати в номере сейчас лежит убитая кем-то женщина, и ее смерть требует расследования. Ни один из ее детей не заплакал, узнав о смерти матери, лишь устроили скандал и ссору. Главный врач пансионата только и хочет, что побыстрее замять неприятный эпизод и жить дальше в привычном ритме. А молодой следователь мечется и вообще не понимает, как ему себя вести, за что хвататься.

А пожилая женщина мертва, и этого уже не изменить. И кто-то виноват в ее смерти. Этот кто-то зашел в номер и хладнокровно ударил с силой, с остервенением, без всякой жалости беззащитного пожилого человека. А потом ушел, оставив ее, возможно, умирать. Не позвал на помощь, не раскаялся – ничего. И сейчас он где-то рядом – живет, пьет, разговаривает, дышит и считает себя безнаказанным.

И от этой несправедливости Лев Иванович Гуров чувствовал себя обязанным найти того, кто расправился с несчастной женщиной, не дав возможности покинуть этот мир спокойно. Хотя бы такого уважения она заслужила, а не криков и балагана вокруг себя.

Опер перехватил молодого следователя под локоть:

– Подожди, давай поспокойнее.

Шишкин задохнулся от возмущения:

– Вы что, его защищаете? Он же убийца, попытался сбежать. Его надо арестовать и в наручники.

– Потихе, – осадил его Лев Гуров и показал служебное удостоверение. – Давай-ка помогу тебе тут всех успокоить. Парень стрессанул, побежал, чего ты его сразу в браслеты? Давай спокойно во всем разберемся.

Тон парня сразу же сменился с нахрапистого и раздраженного на вежливый:

– Товарищ полковник... а вы...

Опер на несколько секунд отвел парнишку подальше от лишних ушей:

– Слушай, Роман, я в этом деле случайно. Просто должен был заехать в этот номер на выходные. Не получилось. Но вижу, что дела у тебя тут не очень складываются.

Мальчишка затряс головой:

– Да я в шоке. Первый месяц работаю, а тут такое. – Он развел руками. – Не знаю, за что хвататься.

– Начни с места преступления. Выгони всех посторонних и осмотри каждый сантиметр, – отрезал Гуров. – Причем постарайся не наследить. И вызывай криминалистов. Тут явно не несчастный случай... Я пока побеседую с родственниками убитой в кабинете у главного врача. И с Олегом, и с Евгенией, они как раз на эмоциях, могут наболтать лишнего. Узнаю, что они там не поделили. Помощники у тебя есть? Опер дежурный где? Надо отправить на опрос гостей санатория, вдруг найдутся свидетели.

Роман залился алым румянцем:

– Сойгородов, он... в машине с водителем. Сказал, чтобы я сам разбирался. Ну... мне же практика нужна. А он говорит, что тут такого-то в санатории может случиться? Несчастный случай, да и все. Он Мишку Радченко мне в помощь дал из ППС.

У Льва скулы свело от злости. Опытный опер отлынивает от работы и заслал совсем еще юного сотрудника на сложнейшее дело, бросил его без всякой поддержки.

И тут же сам себя одернул. Да что толку, он тут и правда случайный свидетель, не более. Ладно, попробует разобраться в ситуации, подскажет немного мальчишке. А главное – поможет умершей женщине. Да уж, хотела его отправить Мария подальше от работы, но уголовный розыск сам его нашел даже здесь.

Вместе с Романом он подхватил Олега и почти потащил вниз по лестнице. Там уже изнывала от волнения главный врач:

– Товарищи, все в порядке? А можно провести ваши... э-э-э... дела потише? Не пугайте, пожалуйста, гостей. Я сделаю все что скажете, только умоляю, без шума.

Лев попросил ее:

– Ираида Яковлевна, нам понадобится ваш кабинет. Мне надо переговорить с родственниками погибшей. А следователь пока осмотрит место преступления, вызовет криминалистов, потом поговорит с Натальей. Это ведь она ее обнаружила. Вы можете подготовить информацию, когда заехала Костина, какое лечение было назначено? Я так понял, она не первый раз была у вас?

Пожилая женщина блеснула недовольным взглядом из-под очков:

– Постоянная пациентка, каждое лето приезжает для оздоровления. Приезжала... – кивнула главный врач. Гуров всмотрелся внимательнее в ее лицо. Кажется, за строгими очками скрыто раздражение... или ему показалось? Но разбираться с чувствами Зуревич ему было некогда. И без того понятно, что главный врач донельзя недовольна происходящим в санатории, но скрывает все под маской официальной вежливости. И торопится как можно быстрее избавиться от проблем и непрошенных гостей.

Но все, что он может сделать, – это помочь Шишкину разобраться с тем, что случилось. И прежде всего у опера было много вопросов к брату и сестре Костиным. В первую очередь Лев решил поговорить с Олегом, узнать, почему он так странно себя повел, узнав о смерти матери. Евгению он уже слышал и видел, чем она занималась с момента появления в пансионате. Теперь предстояло выяснить алиби или вину ее брата.

В кабинете главного врача Лев предложил молодому человеку присесть, попросил паспорт. Тот торопливо вытащил из внутреннего кармана какую-то бумажку:

– Вот, только такое. Паспорт я потерял, вернее, у меня забрали. Ну, в общем, к делу отношения не имеет, это все, что есть. – Он суетился и без конца озирался, будто пытался понять, где он оказался. И не поднимая глаз, частил: – Я торопился. Паспорт же, он не обязательно же должен быть. Да сестра меня знает, она подтвердит. Только орать опять будет. Она всегда орет, психует, ей все не так. Ну короче... – Он махнул рукой и вдруг оборвал свой монолог на полуслове.

Лев кивнул: конечно, понимаю. Мельком взглянул на права: Костин Олег, 28 лет, и вернул обратно. Краем глаза он видел, что лицо парня было покрыто испариной, а руки мелко тряслись. Но это ведь может быть как от страха, так и с похмелья, которое определенно мучило Олега Костина. А то, что он явно вчера крепко выпил, было понятно без слов. Его, словно облако, окутывал грубый, бьющий в нос запах перегара.

Но переборщить с алкоголем не преступление, так же как и волнение до дрожи в руках. Оперуполномоченный Гуров старался никогда не давить ни на свидетелей, ни на подозреваемых. Чем больше сила давления, тем больше сила сопротивления. А когда человек не видит опасности в собеседнике, он расслабляется, перестает контролировать себя и обдумывать каж-

дое свое слово... и совершает ошибку. И если он лжет, хоть самую малость, хоть в какой-то мелочи, то этот обман проскользнет случайным словом, неточной деталью.

Поэтому он налил воды в белоснежную кофейную кружку, из которой недавно пил вкусный напиток, мечтая о безмятежном, ленивом отдыхе, и протянул Олегу:

– Расскажите, как вы здесь оказались.

Евгению, которая пристроилась на диване, он попросил:

– Я поговорю с Олегом наедине. А потом приглашу вас.

Женщина фыркнула раздраженно, но все-таки вышла в коридор.

Гуров плотно прикрыл за ней дверь, а сам на ходу обдумывал, с чего начать разговор. Он решил ни словом не упоминать об обвинении Евгении, пускай молодой человек успокоится.

Но тот крутился на стуле, ерзал и всем видом выражал тревогу:

– Я в «Парусе» как оказался? Да как все. То есть не как все, просто приехал за мамой. В смысле, что на машине. Мать, как всегда, уехала в санаторий на месяц, она сюда всю жизнь таскается каждый год летом. Ну вот, Женька мне написала вчера, что мать надо забрать рано утром из этого дурацкого места. Но я проспал, потому что телефон сел. Вот как включил его, так сразу сюда рванул, а она уже вперед приехала. – Олег дернул плечом. – Все как обычно: моя сестра лучше всех все знает и умеет.

– Но ваша сестра и правда бросила все и приехала за матерью раньше вас.

Гуров умышленно не переходил к расспросам о смерти Костиной. Задавал вопросы простые, обычные, голос его звучал ровно, почти бесстрастно, но в этих словах был острый, отточенный как бритва подтекст. Провокация, которая должна была раскатать подозреваемого и заставить выдать себя.

Оперуполномоченный не спрашивал, он утверждал и будто осуждал: «Ты все-таки подвел. А она – молодец».

Это был старый как мир прием – поддеть за живое, ткнуть в болезненное место под маской обычной беседы. Без давления или обвинений, так, лишь легкий камешек, от которого почти не больно. Но он запускает скрытую цепочку обид и претензий, которые и могли довести до преступления.

Но Олег насупился, плечи напряглись, взгляд, до этого бегающий по стенам кабинета, резко уперся в Гурова. Лицо скривилось, подбородок взлетел вверх, придавая выражение детской бравады. Голос парня сорвался на повышенные тона, в нем зазвенела давняя, сильная до горечи обида:

– Да она на части порвется, лишь бы доказать всем вокруг, что она идеальная! А я неудачник и дурачок.

Гуров молчал несколько секунд, давая этой тишине давить на Олега сильнее любого вопроса. Он видел, как появились трещины в защитной оболочке собеседника. Гнев, ревность, чувство вины – все смешалось в нем и сделало парня уязвимым.

Опер мягко, как бы размышляя вслух, уточнил:

– Проспали, получается, то есть легли поздно?

Олег побледнел:

– Дела были. Я же не специально... Телефон сел... Вроде ставил на зарядку, но она плохо держит, – пробормотал он, но это звучало жалко и совсем неубедительно. Он сбился на полуслове и затих.

Гуров наклонился вперед, и его взгляд стал пристальным, цепким.

– Расскажите о своих вчерашних «делах». – Он сделал едва уловимую паузу. – Из-за которых вы обо всем забыли. В том числе и о матери.

Парень огрызнулся в ответ:

– А что, это тут при чем?! За компом сидел допоздна. Запрещено, что ли?

Лев внимательно его рассматривал. Точно ли были пустыми обвинения Евгении? Пока он видел перед собой инфантильного мальчишку, пусть и почти тридцатилетнего, но неспособного нести ответственность даже за самое простое действие. Паспорт утерян, по ночам сидит за компьютером, крепко выпивает, несмотря на то что на утро запланирована важная поездка. Еще и кинулся бежать, увидев полицию. Выглядит его поведение подозрительно, хотя конкретных зацепок пока нет никаких.

Лев рассматривал его неряшливую обувь в полосах грязи, мятую рубашку, кустоватую щетину.

– А вы с мамой живете, в ее квартире?

Олег пошел пятнами:

– Это какое отношение имеет, а? Чего прицепились? Ищите, кто ее убил, а ко мне лезть не надо.

Вдруг он скривился и кивнул на дверь:

– Женьку послушали, да? Всякую фигню про меня она наговорила! Орет еще. Не слушайте вы ее, она всегда так! За мой счет хорошая. А сама та еще гримза, все не успокоится. Только этот скандал из-за хаты: она боится, что квартиру у нее из-под носа уведу. Дура! Ей отец, еще когда живой был, отдал двушку, а ей все мало! Вот за все и цепляется, а мать меня, между прочим, простила давно.

Гуров слушал внимательно: вот и мотив, наследники уже давно ругаются между собой из-за семейного добра, видимо, немало. Так что кто-то из них мог и не утерпеть, захотеть побыстрее получить доступ к квартирам.

– Что она простила вам? – уточнил опер.

Олег замолчал – ловушка захлопнулась. Он сказал лишнее, то, чего говорить не стоило, то, что из растяпы и вечно виноватого инфантила превратит его в главного подозреваемого.

Он попытался промолчать, но Лев тоже не говорил ни слова. Лишь не сводил цепкого взгляда с парня. И тот промямлил едва слышно:

– Что я брал деньги... без спроса. И просил ее продать дачу, там люди ждали деньги.

«У сыночка долги и какая-то зависимость, – понял Лев Иванович. – Алкоголь? Это точно есть. А вдобавок, скорее всего, играет, наверное, ворует деньги у матери. И это бесконечный круг, дальше нужно все больше и больше денег. И он их не просит, а требует. Это он поскромничал, вон, заводится с полуоборота. Если бы не боялся получить в ответ, то бросился бы на меня с кулаками». Он видел по побелевшим костяшкам, напряженному телу и расширенным от гнева ноздрям, что Костин едва сдерживается. А в спорах с матерью наверняка срывался и кидался с угрозами. Так всегда бывает с домашними тиранами и мучителями: сначала они кричат, потом замахиваются, и однажды наступает момент, когда решаются на удар. И с каждым разом эти удары сильнее, яростнее, пока не случается последний. Но об этом в красках расскажет Евгения, а вот ее брат лучше пускай сообщит о тайнах, которые скрывает сестра. И стоит ему помочь небольшой провокацией вернуться к семейным тайнам.

– То есть получается, что вы живете с матерью, берете у нее деньги, с кулаками бросаетесь. А кто же тогда оплачивал путевку в санаторий? Она ж недешевая. Сестра, она заботилась о матери, да?

У Олега обнажились зубы в оскале, он напоминал сейчас разъяренного звереныша, растрепанного и ощерившегося.

– Заботилась? Женька?! Вот так вы, да? Послушали ее крики и решили, что это я во всем виноват. Да я вам расскажу всю правду про эту идеальную сестричку! Ей же плевать на всех, кроме своего любовника! Она всю жизнь за ним как собачонка бегаёт. Нормальной семьи не завела. А он так-то женат и разводиться не собирается, а ей ездит по ушам. Зачем ему жениться на ней?! Она же никто, денег у нее нет своих, только квартира, и та по документам принадлежит матери. А ее любовник даже женился на другой ради карьеры. И теперь удобно

устроился! Есть и жена, и вечная любовница. И мать знала об этом, они ругались чуть ли не каждый день. Она предупреждала ее, что если Женька и дальше будет встречаться со своим Киселевым, то она заберет квартиру назад. Та поэтому уехала подальше, в Западный район, и устроила там любовное гнездышко! Она всегда такая была, как змея! Скользящая и хитрая. Всегда меня подставляла.

Он не утерпел и вскочил со своего места, тыча в закрытую дверь:

– Она специально примчалась сюда, чтобы подставить меня, грязью измазать и сделать подозреваемым. Всегда же просто матери такси заказывала, а тут приспичило ей, что надо приехать. Зачем она меня заставила сюда тащиться? Это... это... – Парень задыхался от обиды и злости. – Не просто так! Она все продумала! Она убила! А меня подставила.

Оперативник отделался дежурным:

– Проверим. Давайте вернемся к вам. Расскажите снова, что вы делали утром. Поминутно, и кто может подтвердить ваши слова.

Парень сник:

– Да никто, я дома был один. Ну, может, кто из соседей утром видел, как я шел через двор. Говорю же, телефон сел, и денег у меня нет на нем. Я на дороге машину ловил, думал, что мать заплатит, если что. А вы что, Женьке верите? Да я говорю вам, дома я был. Проспал. Лег часов в пять, думал, час посплю и поеду. Ну телефон забыл на кухне.

– Говорили, что он разрядился... – Опер не вел записи, но на самом деле фиксировал в памяти каждую деталь.

– Он там разрядился, на кухне, – пробормотал Олег и отвел взгляд.

Лев же, наоборот, не отрывал от него глаз ни на секунду. Что скрывается за этим поведением? Стыд, что позабыл о матери и не приехал за ней вовремя, вел себя как безответственный мальчишка? Или Олег Костин что-то не договаривает сейчас...

Но давить не стоит, правду можно узнать и без этого. И Лев кивнул, сделал вид, что поверил ответу:

– Хорошо, чуть позже запишем все ваши показания в протокол. Следователь освободится и все зафиксирует. Пока подождите в коридоре.

Когда открылась дверь и Олег шагнул через порог, полковник Гуров выглянул следом. Позвал Евгению, которая кругами вышагивала по узкому коридору:

– Проходите, поговорим.

Он пропустил женщину в кабинет, закрыл за ней дверь. Но это было не просто проявлением воспитания или мужской галантности. Опер предусмотрительно оставил небольшой зазор, чтобы оставшийся снаружи мог подслушать разговор. Пускай и брат узнает, что о нем думает сестра. Наверняка тоже ничего лестного, и это разозлит Костина еще больше. Тут уж гнев сметет последнюю осторожность, за которой прячутся все секреты семьи Костиных.

Сам же оперуполномоченный начал сразу задавать вопросы женщине:

– Расскажите, как вы оказались сегодня в пансионате. Я так понимаю, именно ваш брат должен был приехать за матерью?

Евгения фыркнула:

– Олег много чего должен, но он так не считает. Ему все еще кажется, что он ребенок. Безответственный, балованный. Конечно, мама сама виновата: после смерти отца ничего ему не запрещала, выполняла все его капризы, тем более деньги для этого были. Наш отец – известный ученый-биолог, сделал карьеру, заработал несколько квартир, дачу. А на его сыне природа отдыхает. Только моя мать никогда этого не понимала, все надеялась, что Олег вырастет и станет наконец нормальным.

У женщины в голосе появилась визгливая нотка.

– Не понимаю, на что она надеялась... Я сто раз ей говорила, не надо ему потакать. Он же превращается в полного психа – ни работы, ничего, вечно в долгах. Вот результат: он рас-

правился с ней, чтобы не мешала бездельничать и тратить наследство отца. Все к этому шло давно. Я уверена, что это он.

– А вы?

– Что я? – От неожиданного вопроса Евгения, которая так старательно очерняла брата, сбилась с курса.

– Чем вы занимались сегодня утром до того, как оказались в санатории?

Женщина явно занервничала, как и у ее брата, на белых скулах вспыхнули красные пятна.

– Странный вопрос. Спала. У себя дома. Проснулась, позвонила этому бездельнику несколько раз и поехала сама за матерью.

– Как-то слишком быстро приехали. – Лев уже прикинул в голове маршрут Евгении. – Из города сюда добираться час. Но вы ведь живете не в центре, а в Западном районе, это еще час. Можете показать телефон? Хочу проверить, сколько времени прошло с момента вашего звонка на выключенный телефон брата до прибытия сюда.

Евгения не удержалась от опасливого жеста – прижала ладонью к себе карман, где лежал телефон. И пошла в нападение:

– Не понимаю, к чему вы клоните. Какое это имеет значение? Я не должна была вообще сюда приезжать. И не поехала бы, если бы он случайно не проспал.

Лев задумался на секунду:

– Смерть вашей матери не может быть случайной, здесь закрытая территория. То есть убийца не выбрал себе жертву наугад, а действовал с четкой целью. Мотив есть у вас обоих – наследство, и немалое. Только ваш брат опоздал почти на два часа, приехал заспанный, собиравшись в спешке. А вы не собирались приезжать, да и вообще обычно вызывали своей маме такси из санатория до дома. А сегодня вдруг приехали без предупреждения, совершенно случайно. И необычайно быстро.

– Такси вызывала, потому что раньше у меня не было своей машины, – равнодушно парировала женщина. Но спокойствие ее было нарочитым, рука на кармане с телефоном подпрыгивала в легкой дрожи.

– Если я правильно посчитал, то мчались вы со скоростью полторы сотни километров в час. Многовато для начинающего автомобилиста, не находите? Да и не везде такая скорость разрешена.

Евгения Костина вдруг смущенно наклонила голову и перешла на шепот:

– Послушайте, я скажу правду, просто... это немного неудобная ситуация. Я была неподалеку, случайно действительно. В туристическом домике на берегу озера, отсюда двадцать километров. Но открыто рассказать об этом не могу, понимаете? Потому что была там с мужчиной, он несвободен, и огласка ему не нужна. Но ведь это не имеет совершенно никакого значения, согласитесь? Давайте вы просто запишете, что я рассказала, и больше ко мне не будет вопросов. Я порядочная женщина, работаю, занимаюсь наукой, приличный человек, к чему мне убивать свою собственную мать? Зачем? Я обеспечиваю себя сама, а вот мой брат... У него огромные трудности с деньгами. Он выпивает, не умеет держать себя в руках, постоянно срывает. У него долги и кредиторы, в такой ситуации человек способен на многое. И в том числе на убийство! Ей же разбили голову, а Олег...

Дверь отлетела в сторону от удара, договорить женщина не успела.

Олег застыл на пороге. Сжатые кулаки тянулись к сестре.

– Ты дрянь, гадина! Хочешь свалить на меня все? Это ты сделала! Вместе со своим Киселевым! Конечно, мать же вам мешала встречаться. Ты все продумала! Все! Ты всегда такая была!

– Ведешь себя как ребенок. – Сестра сдерживаться не стала и тоже включилась в скандал. – При чем тут моя личная жизнь. Мне не надо спрашивать разрешения у матери. Я от нее не завишу, а вот ты до сих пор живешь за ее счет. Еще и пьешь так, что ничего не помнишь.

Тот эффект, на который рассчитывал Гуров, сработал. Ему не надо было теперь делать больше ничего, чтобы узнать все семейные тайны. Наоборот, они хлынули наружу, словно зерно из рваного мешка.

В кабинет робко заглянул молодой следователь:

– Я закончил с осмотром номера. Криминалисты подъехали, работают. Что мне дальше делать, товарищ полковник?

Он округлил глаза от криков брата и сестры.

– Ты желала ей смерти! Это ты сделала!

– Идиот, что ты несешь! Это ты от нее избавился. Наверняка снова просил денег, а она тебе опять отказала. Ты даже не помнишь, как ты кидаешься с кулаками. Так было и в этот раз, я уверена. Ну признайся, опять вчера наакался до беспамятства? Что, на бутылку не хватило, решил из матери выбить деньги?

– Что, уже выяснили, кто убийца? И кого арестовать? – топтался на пороге Шишкин.

Лев покачал головой – пока никого, улик недостаточно, чтобы доказать чью-то вину. Несмотря на все обвинения, улик и доказательств вины ни одного из Костиных нет. Чтобы хоть как-то утихомирить крикунов, он встал во весь рост. И брат с сестрой затихли при виде его высокой, атлетической фигуры.

– Так, вам придется задержаться надолго. Так что постарайтесь вести себя спокойно. Подождите пока в холле.

Когда шумные брат с сестрой вышли из кабинета, Лев кивнул парню:

– Какие результаты осмотра?

Тот снова округлил глаза:

– Я ничего не понимаю, как кто-то мог зайти в номер? Один ключ я нашел в кармане халата убитой, а второй был на ресепшене всю ночь и все утро. Пока им не открыла дверь администраторша. Окна закрыты изнутри, дверь тоже была закрыта. Да вы сами же заходили и видели. Ничего подозрительного, одежда в порядке. Следов борьбы нет, да вообще, такое ощущение, что в номер никто не заходил. Если бы не рана на голове, я бы решил, что она уснула и умерла во сне.

Опер задумался:

– Ну следов борьбы нет, потому что она спала и ее убили во сне. Или была знакома с убийцей, не боялась его и не ожидала нападения. Вот что, занимайся пока протоколами. Запиши показания Костиных, они сейчас в ударе и готовы друг друга просто утопить в мотивах. Я поговорю с администратором. Узнаю, кому еще могла помешать пожилая женщина, кроме собственных детей.

– Да ведь вроде все очевидно. Кто-то из них двоих и убил. Есть мотив, а возможность... наверное, она поэтому и не сопротивлялась, потому что это был ее сын или дочь.

Лев Иванович кивнул:

– Хорошая версия. Только много вопросов. Как кто-то из Костиных незаметно прошел мимо администратора? Почему женщина в одной ночной рубашке, это странно.

– Почему... не успела одеться.

– Тогда зачем легла снова в кровать, если дочь или сын ее приехали забирать. Логично было бы начать переодеваться, собирать вещи, а не ложиться обратно на постель.

Роман заупрямился:

– Ну не знаю, может быть, ей стало плохо.

– Может быть. – Гуров решил не мучить парня. – Еще слишком много вопросов и слишком мало информации. Поэтому поговори с Костиными и до минуты восстанови утро каждого из них. Пока ни у одного нет внятного алиби, одни слова. Собирай информацию по кусочкам, а уж потом займемся общей картиной преступления.

Молодой следователь кивнул и вдруг как-то жалобно попросил:

– А вы ведь на отдыхе, да? Можно, вечером к вам зайду и расскажу, что узнал? Чтобы понять, кто убийца. Пока я вообще запутался. Вернее, я думал, что это точно Костины. Но теперь, когда вы мне сказали, я понимаю, что как-то все странно. Столько народу. И улик почти нет...

Лев ободряюще хлопнул его по плечу:

– Все получится, не переживай. Уделяй максимум внимания деталям. В нашем деле важна каждая мелочь. Она может стать уликой.

Роман кивнул и принялся усаживаться за стол главного врача, раскладывая свои бумаги с крайне серьезным видом.

Оперуполномоченный же в это время прошел мимо номера, в котором снова суетились Костины. Теперь брат и сестра переругивались с санитарями спецмашины, которая прибыла за трупом, и патрульным. Криминалист уже отработал и, по словам одного из санитаров, спустился в машину.

– Почему нельзя забрать вещи? – возмущалась Евгения.

– Как скоро дадите свидетельство о смерти? А как нам получать наследство? – забрасывал вопросами Олег.

Льва Ивановича передернуло: словно стервятники кружат над телом, ни капли скорби, только мысли о деньгах.

Он прошел мимо стойки, где сидела Наталья. От ее утренней кокетливости не осталось и следа. Женщина выглядела поникшей и испуганной. Гуров подошел поближе, постарался заговорить как можно спокойнее и теплее:

– Как вы себя чувствуете?

Администраторша вздрогнула, губы у нее вдруг задрожали, а из глаз хлынули слезы.

– Клянусь, я ее не убивала. – Женщину начало трясти. – Вы же не подозреваете меня?

– Почему вы думаете, что вас можно подозревать?

Наталья всхлипнула и ткнула в огромную доску, увешанную ключами: простые, одинаковые металлические стерженьки; каждый под своим номером и с пластиковой картой, на которой были отпечатаны цифра комнаты и название пансионата.

– Я же отвечаю за ключи, я! Они только у меня. А номер был закрыт. Только я могла зайти, получается.

– Так, может быть, убийца взял ключ от номера, а потом вернул обратно незаметно? – Лев рассуждал вслух, утешая женщину. Правда, у него был на то свой интерес – расспросить администратора как можно подробнее о событиях в пансионате и об убитой постоялице.

Женщина ткнула пальцем в пластиковый кругляш на стойке:

– Вот же, все под камерами. Ираида Яковлевна уже посмотрела записи, никто ночью к стойке не спускался. Дверь входную я закрыла и легла подремать. Встала вот за десять минут, как вы приехали.

– Тем более, все зафиксировано, что ключ вы никому не передавали, к доске никто не подходил.

Наталья закрутила головой:

– А Зуревич мне не верит. Сказала, уволит меня, что это я виновата. Только в чем? Что спала ночью? Так чего тут сидеть, тишина же, все спят. Кому если что надо, он звонит на стойку или спускается вниз. Мы всегда спим ночью, Ираида Яковлевна знает. Никогда не ругала, а тут меня виноватой захотела сделать. – Наталья была рада найти защитника в лице оперуполномоченного. – Ну в чем я виновата? Даже если и спала, так я не сторож, чтобы тут за всем смотреть. Конечно, эта Костина строгая была, вечно ворчала и жаловалась, но из-за такого разве убивают. Да никто ей даже слова не сказал в ответ, пускай ворчит сколько влезет. У нас тут куча стариков приезжает постоянно, они бурчат, ругаются из-за чего-нибудь всегда. И все живые! Да и вообще, мы же знаем, в санаторий здоровые не едут. У нас кто лечится?

После операций, больные, чтобы здоровье восстановить, и у них, конечно, что-нибудь болит. Дети с проблемами. Вот как у Костиной. Но разве за такое я бы убила? Или кто-то из наших... Только Зуревич не верит, столько мне наговорила.

Она вдруг просительно прижала пухлые ладошки к груди:

– Поговорите с ней, а? Вы же полковник, я слышала. Скажите это главврачу, вы же полицейский, разбираетесь в убийствах. Объясните ей, что я ни при чем. Она меня уволить хочет.

– Конечно, я поговорю с ней, – пообещал Лев Иванович. – Давайте вы мне расскажете, что утром произошло? Потом я к Ираиде Яковлевне загляну.

Начнем с самого начала. Помните? Я ушел на завтрак, а вы должны были заняться уборкой номера.

Наталья задрала подбородок:

– Я администратор, а не уборщица.

– А кто убирается в номерах?

– Горничная. – Женщина поджала губы. – Я пошла ее искать, она утром должна была прийти и на третьем этаже поменять постельное. Но я обыскалась ее сегодня, нигде ее не было. Она вообще с самого утра должна работать, а тут пришла и как сквозь землю провалилась. Я ее бегала искала по всем этажам...

Наталья вдруг ахнула и прикрыла ладошкой рот:

– Горничная! А если это она? – Она подвинулась поближе к оперу и зашептала: – Я же ее не видела все утро. Так и не нашла... Если это она Костину того? И сбежала!

И тут же округлила глаза:

– Не удивлюсь, она вообще ужасно странная, эта Ксения. Дикарка, ничего про себя не рассказывает. Раньше мы таких не брали, но сейчас никто не хочет в горничные идти. Работа тяжелая, весь день на ногах.

– Ну нелюдимость еще не доказательство, что человек совершил преступление, – возразил Гуров.

Конечно, администраторша сейчас кого угодно готова обвинить, лишь бы снять с себя подозрения. Но это были новые фигуры, а значит, и новые потенциальные убийцы, о которых тоже надо собрать сведения.

Тем временем Наталья распалась все сильнее:

– Да говорю вам, это она. Точно она! Не знаю, зачем ей это было нужно, но она единственная тут работает недавно. Остальные все свои, местные, годами проверенные. Они точно не могли. А эта прибилудилась, еще и собаку прикормила бродячую. Ужас, говорю вам, ее надо проверить срочно. Если вообще найдется, ее же нет на рабочем месте с утра. Пропала! А такое случайно не происходит.

– Проверим. – У Льва шумная Наталья уже вызвала раздражение. Он поморщился. – Скажите, где найти горничную, в каком она сейчас номере может быть?

Администраторшу опять было не остановить:

– Я вам сейчас эту мерзавку найду! Если она в санатории, то не спрячется от меня! – Она вылетела из-за стойки и застучала каблуками по плитам. – Каждый номер обыщу!

Лев покачал головой. Подозреваемых все больше. Неужели его отдых никогда не начнется? Разберется ли Роман Шишкин сам в таком сложном деле? И тут же вспомнил кое о чем, что его уже сегодня разозлило.

И пока администраторша отправилась на поиски подозрительной горничной, Гуров вышел из здания и пошел к парковке, чтобы выяснить неприятный момент. Нет, конечно, он всегда готов поддержать коллег, но все-таки приехал сюда отдохнуть, а не заниматься расследованием. Вот только, глядя на испуганного юного следователя, который один пытался сделать огромный объем работы, он задавался вопросом: а что же делает в этот момент дежурный оперативник?

И ответ полковник Гуров узнал быстро. На парковке он распахнул дверцу старенького «УАЗа» с синей полосой на борту. Дремавший на сиденье майор сонно приоткрыл глаза и пробурчал:

– Чего надо?

– Товарищ майор! – громко, с ледяной вежливостью, произнес Гуров.

Оперативник вздрогнул, с трудом поднялся и сел. Нехотя поднял на незваного гостя заспанные глаза.

– Чего-о-о-о-о? – протянул опер, недоуменно разглядывая Гурова.

В ответ в голосе полковника Гурова зазвенела сталь:

– На территории подведомственного санатория происходит следственное действие, а вы тут устроили тихий час. Ваш вид и состояние не соответствуют служебному положению. Вы отправили на серьезное дело, на минуточку убийство, неопытного следователя, хотя вы, как его куратор, должны контролировать действия своего подчиненного.

– Какое сложное дело? – озадачился мужик. – Какая-то старушка померла? Так с ними бывает. Пусть парнишка осмотрит место происшествия, исключит возможные причины насильственной смерти, труповозку вызовет да родственников предупредит. Надо же ему опыта набираться? – Тут он вяло осмотрел окрестности, увидел спецмашину, в которую как раз грузили тело, и вскинул брови:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.